

ЕВГЕНИЯ  
КРЕТОВА

НЕ СЛУЖЕБНЫЙ  
РОМАН  
1



романтические детективы

Романтические детективы Евгении Кретовой

Евгения Кротова  
**Неслужебный роман**

«Евгения Кротова»

2017

## **Кретьова Е.**

Неслужебный роман / Е. Кретьова — «Евгения Кретьова»,  
2017 — (Романтические детективы Евгении Кретьовой)

Лидии Федоскиной двадцать девять. Молодая, успешная женщина, с чувством юмора и шикарной дачей в шесть соток в подмосковном Подлипкове. Ее жизнь сложилась, перемены ни к чему. И дался ей этот мужик на "Крайслере" с идиотской улыбкой и старомодной музыкой из приемника! И еще неизвестно, как бы все получилось, если бы не странное, ничем не объяснимое происшествие - похищение Лиды.

## Содержание

1	5
2	7
3	10
4	17
5	21
6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

# Евгения Кретьова

## Неслужебный роман. Часть 1

### 1

Лето выдалось на удивление «жаркое». Никто и не ожидал такой прелести. С утра лил дождь, темные тучи громоздились друг на друга, словно пытаясь задавить. Днем, откуда ни возмись, появлялось яркое, ослепляющее солнце. Сразу становилось жарко. Но это чудо длилось недолго. Уже к вечеру небо снова затягивало тучами, дождь из них теперь не лил, а мелко моросил, куксился, словно переживал из – за того, что еще один день лета прошел, а он не придумал никакой новой пакости.

Словом, не лето, а сплошное чудо природы.

Но, между тем, отпуск продолжался.... Хотя, чего душой кривить, близился к завершению. На коже образовались две жалкие полоски незагорелого под бретельками купальника тела, которыми было смешно хвастаться на работе. Однако, по сравнению с другими отдыхающими и отдыхавшими, у меня было несравненное преимущество – мое лето было полно впечатлений.

Все началось с того, что вместо поездки на море, куда-нибудь на Кипр или Гаити, или в Туапсе, на крайний случай, я решила провести отпуск нестандартно. То есть нестандартно для многих моих сослуживцев... Они – то как раз поехали на Кипр, Гаити или в Туапсе. А я осталась в Москве, окучивать грядки и варить варенье из ранеток на родительской даче.

Люди, далекие от садоводства, почему – то считают, что не может быть более замечательного отдыха, чем на собственной “вилле” в Подмоскowie. Томные вечера за кружечкой парного молока, в тени дикорастущей сирени, когда «не слышны даже шорохи» и «всё замерло до утра». При этом подразумевается, что это парное молоко течет прямо там же, в тени дикорастущей сирени, из маленького краника; садоводу и надо – то всего приложить усилий – протянуть руку, подставить стаканчик и повернуть краник.

– Ой, Лидочка, как мы тебе завидуем, – восклицала моя начальница, несравненная во всех своих проявлениях Валентина Матвеевна. – Это так романтично. Бескрайние российские просторы, чистейший воздух, ровно подстриженная лужайка, цветы, свежие фрукты и творог! Что может быть прекраснее!

Потом она вздохнула и, томно закатив ровно подведенные глазки, добавила:

– А мы с Павликом в этом году снова поедem в Ниццу, там у него работа – опять будет много фотографировать, а мне придется скучать на пляже, в одиночестве.

Это, правда, просто ужасно – остаться одной на пляже в Ницце, пока муж вкалывает за двоих...

– Ох, да, Валентина Матвеевна, я вам очень сочувствую. А хотите, оставайтесь в Москве, пускай Павел Николаевич едет работать в свою Ниццу, а вы с сыном к нам приезжайте, будем пить парное молоко с вареньем, любоваться бескрайними просторами.

Во мне загорелся злорадный огонек. Я представила, как Валентина Матвеевна с сыночком Вадиком приезжают к нам на дачу, на наши родимые шесть соток. Все такие при маникюре и педикюре. На варенье с парным молочком. А я им: «Ой, как я рада! Ой, молочко! Конечно, конечно, Вадик, вон там коровка стоит... Ты вот так, вот так поделай, и молочко и себе, и маменьке надоишь...»

В общем, на Гаити в этом году я не попала.

В Ниццу, впрочем, тоже. Чему я очень рада. Там в этом году, говорят, погода плохая, холодно и дождливо. И круассаны в местной пекарне делают отвратительно, кондитер, Жуль Декасар, уволился, а новенький – совсем не то...

Зато в Подлипкове было просто замечательно.

Я решила в первый день отпуска отдохнуть, отоспаться, проваляться до обеда в кровати с книжкой и тарелкой смородины с сахаром. Но у лица, выдающего разнарядки там, в Небесной Канцелярии, были на меня другие планы.

## 2

Но, наверно, надо всё же представиться.

Меня зовут Лидия Федоскина. Мне двадцать девять лет. Я личный помощник генерального директора одной очень крупной туристической фирмы. Девушка я не глупая, языкам обучена (хвастать не буду, но три знаю неплохо). Живу в Москве, столице нашей Родины, практически с самого рождения, то есть двадцать лет.

С математикой у вас всё в порядке. От двадцати девять двадцать отнять можете. И у вас должно остаться девять лет.

И спросите меня, где я была это время. Но ничего интересного я, к сожалению, сообщить не могу.

Я из детдома. Здесь не будет драматических историй и слез: что было, то было. Меня никто никогда не навещал. И я совершенно не помню никого из биологической родни: ни отца, ни матери, ни братьев или сестер, если они у меня были. Все, что я помню – казенные стены, окрашенные немаркой зеленой краской, типовые обои, столовский компот и некомплектное цветастое постельное белье. Все, что я помню – это детский дом, в который я попала совсем крошкой.

Когда мне было пять или шесть лет, я оказалась в больнице с воспалением легких и высокой температурой. Помню, ко мне в палату заходила женщина – высокая, очень красивая. От нее неимоверно вкусно пахло. Она посидела около меня с минуту и ушла. И больше не появлялась.

Я долго пыталась нянечку, кто это был. Но она только виновато отводила взгляд, и всё твердила, что мне показалось. Что, дескать, не было никого. Приснилось мне.

Но я не верила, решила, что это была дама, которая хотела меня удочерить, но из-за моей болезни не дождалась и нашла себе другую девочку. Ух и ревела я тогда...

И однажды улучила момент, залезла в кабинет директора, где и нашла свое личное дело – хотела найти ту даму и сообщить ей, что я здорова и могу стать ее дочерью. Тогда-то в моих руках оказалось кое-что поинтереснее. Заключение, в котором значилось, что от меня отказались в два годика. То есть примерно тогда, когда поставили диагноз «аутизм». В те годы – приговор. С таким диагнозом я моей биологической родне оказалась не нужна.

Ревела я после этого неделю. Или две. Мой мир не перевернулся, но я осталась жива.

А еще через пару лет у меня появилась семья.

Мне потребовалось двадцать лет прожить с моими НАСТОЯЩИМИ родителями, чтобы так спокойно об этом говорить.

Я была уже довольно большая и понимала, что тогда, в девять лет, со мной произошло чудо.

Мама и папа жили в маленькой квартирке в Замоскворечье, но мне она показалась дворцом. У меня была СВОЯ комната. Девять метров с окном во двор, в которое любопытно заглядывала лохматая старая береза.

Моя мама – психолог, и она очень много со мной занималась.

В те далекие 90-е она работала в престижной школе, в которой учились многие отпрыски влиятельных людей. Не знаю, какими путями, но она добилась, чтобы меня взяли в эту школу. Вначале я не ходила на общие уроки: приносила в конце недели выполненные задания и брала новые на неделю вперед. Учителя не знали, что вместо положенных пяти – шести мы с мамой выполняли все задания в параграфе. Читали всю предложенную дополнительную литературу. А потом мама просила меня рассказывать то, что я прочитала, объяснять то, что я выучила вначале ей самой (первое время – на ушко), потом папе, потом соседскому мальчику, которому не удавалось понять какую-то тему, потом еще кому-то...

И уже через год или полтора таких занятий я вошла в класс.

Вы, наверно, думаете, что ко мне плохо относились «особые» дети. Я тоже этого боялась и идти первого сентября в школу не хотела категорически. Но мама надела на меня форму – скромное коричневое платье с плиссированной юбкой и белоснежный кружевной фартук – заплела в косички самые красивые ленты, какие только можно представить, вручила мне огромный букет и сказала:

– Ничего не бойся. Ты у меня умница, и я буду с тобой.

На линейке она решительно подтолкнула меня к классу, в толпу мальчиков и девочек.

– Ты что, дочка Марии Федоровны? – спрашивали одни. – Мы не знали, что у нее вообще есть дети...

– А где ты раньше училась? – с любопытством интересовались другие.

Тут мне на помощь пришла классная руководительница, Лидия Григорьевна – женщина довольно крупная, с низким, почти мужским голосом:

– Лида училась в нашей школе, только сдавала все экзамены экстерном, по семейным обстоятельствам, – и едва заметно мне подмигнула.

Почему – то этого оказалось достаточно, чтобы расспросы прекратились.

Я училась не хуже других, но лучше многих, и вскоре все забыли, как неожиданно я появилась в 5 «Б» классе первого сентября 2000 года. В тот же год, за две недели до новогодних каникул, мама и папа позвали меня на вечернее чаепитие. Как обычно. На столе стоял самовар (папа у меня историк, любитель русской старины, однажды из командировки в Тверь привез вот эту диковину; ой, как мама ругалась, что папа всякую рухлядь домой тащит!.. Пришлось за него заступаться и сказать, что мне самовар нравится, и что если его хорошенько почистить, то из него вполне можно пить чай вечерами – с тех пор у нас и повелась традиция вечерних чаепитий), тарелочка с конфетками, печенье и... торт. Мама с папой сладкого не любят, мне все время напоминали, что от сладкого портятся зубы, но почему-то всегда приносили домой и конфеты, и печенье, но торт в нашем доме был редкостью. Мама с папой – на удивление молчаливые – исподтишка поглядывали, как я уплетаю торт («Пražский», как сейчас помню).

Потом папа заговорил:

– Знаешь, доча, у нас кое-что произошло в семье, мама мне сегодня утром рассказала. И вот теперь мы это говорим тебе, нам нужно с тобой посоветоваться.

Я ничего не понимала, так как по моим сведениям ничего «такого» в нашей семье не происходило, если не считать разбитой вчера вазы – но я и правда нечаянно ее разбила, и уже извинилась за нее. Поэтому я продолжала молчать, как воды в рот набрав. А папа помолчал-помолчал и, наконец, сказал, то, что собирался:

– У тебя скоро будет братик... Или сестренка.

Над золотым пузатым самоваром повисла пауза. Мама с папой смотрели на меня во все глаза. Мама хотела что-то сказать, но не успела – я задала вопрос, который волновал меня больше всего остального:

– Вы хотите, чтобы я уехала обратно в детдом? – я услышала, как с грохотом упал стул, на котором сидела мама, кинувшаяся ко мне.

– С ума ты сошла, что ли! – крикнул папа, то ли мне, то ли ей, но я думаю, что всё же мне.

– А почему вы мне о братике и сестренке говорите с таким видом, что должно произойти что-то ужасное? – не унималась я, вырываясь из маминых рук.

– Маш, ну, отпусти ты ребенка, ты ж ее задушишь! – папа вернулся на свое место, положил руки перед собой. – Лида, мама уже не такая молоденькая для того, чтобы доставать детей, поэтому ей придется уйти с работы, а тебе решать, будешь ты ездить на учебу сама, или переведешься в школу поближе, – он укоризненно посмотрел на меня: – Ну, это же естественно, Лида, ты подумай. А ты всякую ерунду думаешь, мать расстраиваешь! Вон посмотри, на ней лица нет.



Тут я впервые посмотрела на маму. Она была вся заплаканная, встревоженная, какая-то выцветшая и очень несчастная. Мамочка моя!!! Как же я тебя люблю!

Вечером того же дня, когда я уже легла в постель, мама зашла ко мне в комнату, тихонько забралась под одеяло, и крепко-крепко меня обняла. Потом шепотом сказала:

– Знаешь, где я сегодня была? В церкви! Я должна была сказать «спасибо», за все то, что произошло в моей жизни: у меня есть твой папа, у меня есть ты и будет еще кто – то. О большем счастье и мечтать нельзя, а? Ты как считаешь?

Я кивнула, хотя мысли были заняты другим. Вот этим:

– Мам, а где мы все поместимся? Может, мне перебраться на кухню?

Мама расхохоталась так громко, что прибежал папа, встал в дверях, смущенно переминаясь с ноги на ногу, словно увидел то, что ему явно не полагалось видеть:

– А чего это вы тут в темноте сидите?

– Слышал, что предлагает твоя дочь? Она предлагает перебраться на кухню! Думает, так места больше будет, представляешь?

– А кушать мы где будем? У тебя на кровати? Или на шкаф будем забираться?

Тут уж мы все расхохотались. Просто от того, что мы семья, и что у нас такие перемены, и они общие. А я еще думала, что мне надо поучиться пеленать кукол, а то мама такая маленькая, что, наверное, не справится с воспитанием малыша.

Вскоре у нас в доме затопали маленькие ножки. Вернее, в начале они, конечно, не топали, а лежали себе смирно в кроватке и кричали каждые три часа, как по будильнику. Одно только озадачивало моих родителей: они планировали мальчика (это папа), или девочку (это мама), а родились две девочки. Вроде как мамина двойная победа.

Помню, папа пришел из роддома такой серьезный, что я даже испугалась – не случилось ли чего. Сердце оборвалось, и дышать стало больно, и словно незачем. А он позвал меня на кухню, на семейный совет в усеченном составе.

– Лида, у нас тут такое дело с мамой вышло, – я замерла. – У нас близняшки, – мой крик ликования. – Две девочки, а мы готовили имя для мальчика, в общем, мама сказала, чтобы мы к выписке готовили варианты. Сразу нас с тобой ограничила: Октябрин, Трактарин, Терпсихор, и Олимпиадий не предлагать, – он меня обнял, а когда отпустил, его лицо светилось от счастья. – Только обедать нам, действительно, придется на твоём шкафу!

Вот такая у меня семья.

Наташка с Женькой выросли, обе белобрысые, сероглазые. В медицинский пошли. Наташка мечтает стать педиатром, а Женька непременно хирургом. Года три как мы с ними самозабвенно конкурируем. Дело в том, что у нас *абсолютно* одинаковый размер рук, ног, бюстов и всего остального. Покупаем всё в одном экземпляре, разных цветов, но, как ни крути, одного и того же размера. И как-то так получается, что Наташке с Женькой особенно, как они считают, идет именно то, что выбираю себе я?!

### 3

Так вот, возвращаясь к моему нестандартному отпуску.

Еще утром в пятницу, в свой последний рабочий день, я решила поступить нестандартно и отправиться на дачу сразу же после работы. Чтобы осуществить эту затею, мне пришлось одеться как можно «демократичнее», как выразилась моя начальница, незабвенная Валентина Матвеевна. Вернее, она сказала следующее:

– Знаешь, Лидочка, если бы ты оделась еще чуть демократичнее, я бы тебя уволила.

Не знаю, чем ей не понравились мои вполне приличные брючки изо льна. Да, по колено, но это всё равно брючки, а не шорты: я их успела утащить у Наташки, а кофточку, само собой, у Женьки – будут знать, как прятать под подушку мои туфли. Но начальница при виде меня так скривила свои идеально подкрашенные губы, что ее очки-половинки едва не съехали с носа.

Хорошо, что я пришла на работу пораньше: неловко представить, что было бы, увидь начальница тот баул, в котором под тяжестью книг «для легкого чтения» мялась моя одежда (вечерние платья, в отличие от героини мультика о Простоквашино, решила не брать). А еще брякал чайник, который мама забыла дома и непременно велела забрать, и еще сотня мелочей вроде штопора, который оказались забыты в московской квартире.

Баул получился неподъемный.

Я с ужасом вспоминала, как я везла его сюда в маршрутке, и с тоской представила, как мне предстоит его тащить через всю Москву: сначала двадцать минут на автобусе, потом сорок минут – на метро, потом – по вокзалу, и еще от станции до дачи четыре километра. Расстояние не ахти какое, но!.. Я еще раз тихонько потянула за лямки примостившейся под моим столом сумки – действительно, неподъемная.

Вечером я томила в ожидании ухода начальницы. Примерно в четыре тридцать та вышла из кабинета и направилась к юристу – бедному нескладному мальчику, который разгребал жалобы недовольных туристов (кому отель не тот предоставили, к кому трансфер из аэропорта опоздал и возникли проблемы с заселением, а кто-то жаловался на плохую погоду: мол, почему не обеспечили, раз в рекламе говорилось, что Турция «солнечная»). Проходя мимо меня, она ласково, с улыбкой питона, приготовившегося отобедать, проговорила:

– Лидочка! Вы еще тут! Я бы на вашем месте уже нежилась на пляже! Отправляйтесь скорее дышать кислородом и поглощать фрукты! Я вас жду через две недели посвежевшую, отдохнувшую, и, надеюсь, способную оценить то предложение, которое я собираюсь вам сделать.

Заинтриговала – так заинтриговала. Честно скажу, дар речи у меня пропал минут на пять. Но думать о загадочном предложении не позволил телефон. Звонила Женька и пищала в трубку, что они уже на даче, и все только и делают, что ждут меня. Что папа уже собрался идти на станцию – меня встречать, а я, бессовестная, всё еще на работе. Женька у нас вообще самая правильная. Дисциплинирует себя для хирургии. Она утверждает, что хирург должен быть очень собранным. Наташка всегда при этом добавляет: «Чтобы не отрезать чего лишнего».

В общем, временно выбросив из головы интригующий намек Валентины Матвеевны, я потянула свою неподъемную сумку на плечо и потащила к выходу.

– Лидок! Удачного отпуска! – улыбаясь Татьяна, богиня нашей ресепшен – зоны, махнула мне рукой.

Выглянув из-за баула, я смогла только неопределенно пискнуть в ответ.

Когда спустилась на первый этаж и вышла на улицу, поняла, что силы у меня уже закончились. И осталось только два выхода: или вытряхнуть половину вещей из сумки прямо здесь, на тротуаре, или поступить нестандартно (в который раз за этот день) и поймать машину.

Почему-то второй вариант мне понравился больше. На всякий случай, я заглянула к себе в кошелек – убедиться, что деньги в нем точно лежат, и решительно проголосовала. Мимо проезжали машины, торопясь попасть в пробки на выезде из уставшего города.

Передо мной же остановилась симпатичная иномарка – небольшой, словно игрушечный «Крайслер». Из приоткрывшегося окна выглянул вполне приличный мужчина.

– Вам куда, девушка?

Я на всякий случай оглянулась – это точно мне? – но больше никого рядом с собой не увидела. Потом окинула взглядом чудо зарубежного автопрома, которое стояло передо мной и блестело пухлыми темно-синими боками. Я почему-то подумала, что на поездку до дачи на такой машинке содержимого кошелька не хватит.

– Никуда, – единственное, что пришло мне в голову.

Мужчина усмехнулся:

– Девушка, вы же только что голосовали? Значит, вам нужна машина, чтобы доехать куда-то. Правильно? – я кивнула. – Поэтому я вас и спрашиваю, куда вам. Если по пути, подброшу. И денег много не возьму.

– А сколько возьмете? – мама меня учила, что «немного» – понятие растяжимое. Для мужчины, разъезжающем на «Крайслере», это может быть одна сумма, а для не получившей отпускные помощницы генерального директора – совсем другая. – Мне в Подлипково надо, пятнадцать километров по Осташковскому.

– Знаю, мне в Терехино, это чуть дальше. Пятьсот устроит?

Меня устроило. Но всё равно было как-то неловко.

Неожиданно приятный незнакомец забросил мой баул в багажник и галантно приоткрыл пассажирскую дверь.

На всякий случай я поближе положила мобильный телефон и крепко обхватила сумочку, усаживаясь. Наверно, я смешно все это проделывала, потому что мужчина усмехнулся, но говорить ничего не стал.

Москва летом в пятницу превращается в Содом и Гоморру накануне потопа. Потoki людей волнами стекаются в душное нутро метрополитена. Раскаленный асфальт плавится под ногами. Все торопятся из города, шум, гам, на дорогах переполненные автобусы и электрички, раздраженные голоса и взгляды. Кажется, что город готов разорваться на части и поглотить самое себя, лишь бы не видеть и не слышать своих жителей.

Раньше, когда я была частью этого многотысячного потока, не замечала его. Но, знаете, всё выглядит иначе и особенно резко бросается в глаза, когда ты сидишь в прохладе юркой машины, тонированными стеклами ограждающей тебя от нервной истерики мегаполиса.

Тихая приятная музыка играла в салоне. Я никогда не была знатоком современной поп-культуры, что западной, что нашей, но эта мелодия меня почему-то притягивала, умело озвучивала настроение замученного города.

– А кто это поет? – спросила.

Мужчина бросил на меня короткий взгляд, улыбнулся:

– Патрисия Каас. Не узнали? Это старый диск, насколько я знаю, «Piano Bar». – поймав мое недоумение, удивился: – Неужели не слышали?

– Честно говоря, редко слушаю музыку, – призналась я, – времени мало. На работе обычно радио работает, но там такое не услышишь...

Мужчина снова кивнул. Кажется, ему эта беседа ни о чем нравилась.

– Неформатная. Я сам немного музыкант, знаю, что на популярных радиостанциях подобные композиции не ставят.

Я уставилась на него, совершенно забыв о приличиях, даже рот приоткрылся от удивления:

– Вы музыкант? А на каком инструменте играете?

– На саксофоне.

– Джазмен? – ахнула я.

Мужчина кивнул. Машина, ловко свернув на автостраду, присоединилась к тысячам страждущих свежего воздуха автомобилистов.

Тут затрещал мой телефон. От неожиданности я вздрогнула, уронила его, и по законам подлости он закатился под сиденье, продолжая вибрировать, стонать и издавать непонятные звуки, вовсе не похожие на пятую симфонию Баха. Мне пришлось сползти на пол, прежде чем я смогла его найти. Но ответить не успела. Пока я смотрела, кто звонил, телефон затрещал снова. Это была Женька.

– Ну ты, где? Папа с мамой уже успели поругаться из – за шашлыка и помириться снова, а тебя еще нет. Ты хоть с работы выехала уже?

– Я на проспекте Мира. Если повезет, то через час буду.

Молчание в трубке означало, что Женька соображает, а последовавшее затем сопение – что куда-то торопливо идет.

– Ты что, на машине едешь?! – зашипела она в трубку через мгновение. – С ума сошла, на ночь глядя! Мама узнает – тебя убьет, учти! Номер хоть и марку сбрось! И геолокацию включи!

Я же говорю, Женька у нас самая правильная. И продуманная. Я вот бы даже не подумала о геолокации, а она – сразу выдала. Она такой стала с пятого класса, когда на перемене, во время игры в прятки, оборвала в коридоре занавески вместе с карнизом и штукатуркой. Родителей тогда вызвали в школу, а ей впервые поставили за поведение в четверти «удовлетворительно».

Я понимала, что сестра права, и такие ценные сведения, как номер автомобиля незнакомца, которые везет тебя за город, надо сообщить. Но как их узнать, когда ты уже внутри? Я задумалась.

– 988 АРУ, темно-синий «Chrysler PT Cruiser», две тысячи двенадцатого года выпуска, – улыбаясь проговорил мужчина. – Хорошая у вас подруга.

– Сестра, – автоматически поправила я и покраснела до кончиков волос (хотя куда уж им еще больше краснеть). Совсем забыла, что громкость на телефоне у меня стоит на максимуме – я ведь собиралась ехать на электричке.

Незнакомец усмехнулся:

– Пишите – пишите, не надо волновать семью.

Я хотела еще что-то сказать, но на выезде из города темно-синий «Крайслер» остановили на посту ГАИ. Мужчина взял документы и вышел из машины.

Когда он стоял рядом с гаишником, мне, наконец, удалось его рассмотреть. Он оказался довольно высок, темные волосы коротко острижены и уложены. Я невольно посмотрела на себя в зеркало заднего вида – одеваясь «демократичнее», я сегодня не успела уложить волосы. Правда, присмотревшись, я решила, что всё выглядит вполне неплохо, и успокоилась.

Еще у него был приятный голос, он слушал приятную музыку.

И наверняка женат.

Нет, я, в принципе не против: семья – это очень хорошо, это очень почетно. Просто... Как-то предсказуемо. Интересный мужчина, как говорят, на дороге не валяется. Факт.

Тем временем мой добрый самаритянин вернулся в авто, снова мелодично заурчал двигатель, увлекая темно-синий «Крайслер» в жерло автомобильного потока.

– Не заскучали? – поинтересовался незнакомец.

Я пожала плечами:

– Да не особо.

– У вас в Подлипкове дача?

– Не совсем у меня, у моих родителей.

Мужчина понимающе кивнул. Разговор немного не клеился – я нервничала и смотрела на дорогу, незнакомец от чего-то не хотел ехать молча и все продолжал со мной разговаривать, пробуя комфортные для меня темы, словно вор, подбирающий отмычку.

– А зачем такой громадный баул? – спросил, кивнув в сторону багажника. И тут же спохватился: – Простите, ради Бога, не хочу вмешиваться не в свое дело, просто интересно. Да и беседа у нас с вами немного в тупик зашла, вы не находите?

Какая наблюдательность, право слово.

– Там книги и всякая мелочь вроде штопора, которую мама забыла дома, – небрежно отметила. – И велела непременно привезти.

Я снова покраснела – сейчас подумает еще, что везет алкогольчику, которой без штопора на даче ну никак не обойтись. Замолчала и прикусила губу: все лучше, чем еще что-то сболтнуть, от чего будет опять неловко.

– Так вы планируете провести там выходные?

– Не совсем, – я поправила волосы и глянула на экран сотового. – Я там отпуск планирую провести.

Незнакомец улыбнулся, сворачивая на проселочную дорогу под указатель «Подлипково»:

– Иными словами, если завтра вечером я за вами заеду, чтобы пригласить в кино, например, то я вас найду на этой самой даче, в тени дикорастущей сирени?

Далась всем эта дикорастущая сирень, отцвела она уже в этом году. У меня всё похолодело внутри и вспотели ладони:

– С чего бы это вдруг? – я нервно поглядела на дорогу. До нашего садового участка еще ехать и ехать по пустынной дороге, меж чахлого кустарника и тощих берез.

Мужчина усмехнулся. Бросил примирительно:

– Да не переживайте вы так. Это я просто, гипотетически, – он свернул в сторону широких ворот садового товарищества. – Не каждый день встречаешь на дороге симпатичную девушку, готовую окучивать грядки на родительской даче весь честно заслуженный отпуск. Кстати, какой по продолжительности: семь, четырнадцать или двадцать восемь дней?

– Семь, – отозвалась автоматически и снова покраснела: получилось, что вроде я уже дала согласие на его гипотетическое предложение.

Мы подъехали к воротам дачного поселка. Я сразу заметила Женьку, которая караулила меня и то и дело поглядывала на экран телефона. От сердца отлегло:

– Это вы просто не по тем дорогам ездите, – добавила, подмигнув Женьке через тонированное стекло. «Крайслер» проплыл вглубь товарищества, подруливая к моим родимым шести соткам. – Спасибо вам за помощь! Не знаю, что бы я без вас делала.

Я выпрыгнула из машины, подошла к багажнику. Незнакомец вытащил мой баул как раз в тот момент, когда нас догнала насупленная Женька.

Я махнула рукой незнакомцу:

– Спасибо вам! – И дернула на себя калитку.

Незнакомец, все так же улыбаясь, махнул в ответ:

– Как вас зовут хоть, скажете?

– Лида.

– Руслан, – представился он и улыбнулся еще шире. В глазах мелькнул огонек. – Лида, так как насчет завтра: кино в силе?

У калитки, глядя на наше затянувшееся прощание замерла Женька. Последние слова Руслана повергли ее в шок. Она вытаращилась на меня, искоса поглядывая в сторону синего «Крайслера».

– С чего бы это?

– Вы не любите кино?

– Да нет. Не в этом дело, – я покосилась на Женьку, уже представляя, сколько всего придется ей сейчас объяснять и заранее злясь на себя.

Руслан, между тем, мое замешательство принял на свой счет и поторопился ретироваться:

– Ну, значит, принципиальных возражений нет. Поэтому рискну подъехать к вам завтра в шесть и услышать окончательный ответ, – и, не дожидаясь отказа, захлопнул дверцу автомобиля и двинул к выезду.

Сестра проводила его взглядом. Посмотрела на меня:

– Это вообще кто?

Я развела руками:

– Руслан. Ты же всё слышала. Саксофонист и джазмен. Любитель Патрисии Каас и шикарных тачек, – я направилась к дому.

Женька округлила глаза:

– В кино?.. Ну ты, мать, вообще! Уже с таксистами флиртуешь.

– Ты много таксистов на «Крайслерах» видела?

Я устало выдохнула и, бросив сумку на крыльцо, направилась за дом, к источнику оглушительного аромата костра и шашлыка. Отсюда распространялся восторженный писк Наташки, мамино щебетание, деловитый голос отца. Я напряглась: там, на площадке для барбекю, был кто-то еще. Я остановилась и повернулась к сестре:

– У нас, что, гости?

Женька нахмурилась, но сделала вид, что не услышала.

– Же-ень.

Домашние меня заметили, замахали руками. Сестра обреченно подтолкнула меня:

– Да иди уже.

У нас небольшая дача, я уже говорила – всего-то шесть соток. Мама много лет назад строго-настрого запретила называть ее огородом и высадила там (ясное дело, не без нашего с папой участия) сад: яблони, груши, несколько слив, шикарную вишню. Сейчас сад, конечно, был молодой, трогательно-наивный, как подросток. Но мы уже собирали мелкие, кислые до состояния «вырви глаз» яблоки, груши с нежной желто-оранжевой кожицей.

Рядом с домом установили открытую беседку с большим мангалом для барбекю – папа давно о такой мечтал. Мы с сестрами сшили пухлые разномастные подушки, чтобы было удобнее сидеть. И с тех пор беседка стала нашим любимым местом для общения.

И вот, вывернув из-за угла, я уже почувствовала, что любимое место для общения и поедания вкусностей превратилось в клоаку коварного заговора. Против меня, естественно.

В центре, прямо напротив входа в беседку, подтолкнув под пышные бока все сшитые нами подушки, раскатисто хохоча, восседала тетя Света – мамина двоюродная сестра, женщина, уверенная в себе и своей правоте настолько, что даже невинный чих во время простуды приписывала высшим магическим силам, согласившимся с ней. Мама явно нервничала, то и дело поглядывая на тропинку от дома. И, конечно, стоило мне на ней показаться, как сразу раздалось:

– А вот и наша Лидочка!

Вся компания оживилась, нарочито радостно бросилась мне в объятия. Кроме папы – он сочувственно стоял у мангала, помахивая над решеткой картонкой. И тети Светы, очевидно, она не захотела расставаться с подушками.

– Вы чего? С утра ж виделись.

Мама бросила суровый взгляд на Женьку:

– Ты ее не предупредила?

Та насупилась и покачала головой:

– Да не успела я, – и отвела взгляд.

– А зачем ты ее встречать тогда вышла! – всплеснула руками мама. – Ничего вам поручить нельзя! В такой ответственный момент!

Мне надоело на них поглядывать:

– Что за ответственный момент? – обе сразу примолкли. – Да что происходит-то?!

– Здравствуй, Лида.

Все замерли. Мама виновато потупила взгляд, Наташка сникла, словно на нее вылили ушат ледяной воды. Женька недобро прищурилась и поджала губы. Я обернулась на голос.

Передо мной, широко улыбаясь и щурясь на выглянувшее из-за облаков солнце, переминался с ноги на ногу Пашка Столбов, мой ухажер в студенчестве, и по совместительству племянник (троюродный, что ли) тети Светы. Пашка за прошедшие годы ни капли не изменился: такой же сутулый, худосочный, с невнятно выбритым подбородком и белесыми ресницами. Улыбочка и уверенный в себе вид тоже остались при нем.

К черту его. В груди зашевелилась злость, приправленная застарелой, но не забытой обидой, ядом разочарования и несбывшихся надежд.

– Привет, чего не здороваешься? – повторил Пашка, все также улыбаясь и разглядывая меня.

Жаль, что я оделась сегодня «подемократичнее». И прически нет. Но его взгляд я выдержала, поинтересовалась холодно:

– Ну, привет, пропащая душа.

Пашка еще шире улыбнулся:

– Я думал, не узнаешь?

– Я вроде бы не потерей памяти страдаю...

– Ребята, давайте уже за стол, – мама нерешительно дотронулась до моей руки, бросив на меня долгий тревожный взгляд.

Я пожала плечами. Главное – ничем себя не выдать. Главное – чтоб всё выглядело, как обычно.

Я подхватила Женьку под локоть и направилась к беседке. Папа всё еще задумчиво размахивал опахалом над шашлыком.

– Пап, – Наташка принялась, – ты уверен, что еще не пора снимать с решетки? А то пахнет так, будто уже почти поздно...

В самом деле, от мангала поднимался густой аромат пережаренного мяса.

Мама бросилась на выручку едва не загубленному ужину, тетя Света громоподобно расхохоталась, Наташка засуетилась. Одни мы с Женькой стояли в задумчивости: я от самой задумчивости, Женька – от того, что я вцепилась в ее локоть.

Подошел Столбов. Я заметила, как его рука поднялась вверх в намерении приобнять меня за плечи, но Пашка вовремя натолкнулся на мой взгляд и безвольно опустил руку.

– Вот на секундочку отошел, а здесь уже коллапс, – ехидно отметил он и подмигнул мне, засовывая руки глубоко в карманы.

У меня закипело внутри, выплескиваясь:

– Твое мнение забыли спросить!

Женька дернулась и больно толкнула меня под ребра. Мама и Наташка замерли, а тетя Света округлила глаза. Над столом повисла неловкая пауза.

Пашка примирительно улыбнулся, устраиваясь на лавке:

– Не кипятись. Просто шутка юмора...

«Шутка юмора». Как достали эти его дурацкие словечки. Меня передернуло.

– Давайте ужинать, – словно выйдя из анабиоза, снова засуетилась мама.

Наташка и мама отчаянно шутили весь вечер, стараясь разрядить обстановку. Тетя Света больше не хохотала, испепеляя меня взглядом. Она даже ела меньше обычного, так как глаза

были заняты не выбором очередного куска мяса, а лицезрением моей физиономии. Пашка загадочно улыбался.

Мне показалось, или в его улыбке сквозит победа?

Я похолодела. Черт дернул меня сорваться. Можно же было придумать колкую шуточку. А сейчас...приходится терпеть эту самодовольную физиономию.

Женька пнула меня под столом: на меня все смотрели.

– Ты не ответила, Лид, – Женька пришла на помощь. – Тебя тетя Света спросила, всё в том же месте ты работаешь.

– Да, в том же, – кивнула. – Стабильность – наше все.

Тетя Света наклонилась ко мне через стол, выразительно выпучив глаза:

– А Пашка-то у меня ввысь пошел.

– На повышение? – уточнила Женька.

Тетя Света кивнула, не отрывая от меня взгляда, будто гипнотизируя:

– Точно. На повышение. Большие дела теперь парень делает.

Да уж. Здесь я, видимо, должна была впечатлиться. Я прислушалась к себе – ничего, никаких эмоций, кроме раздражения.

– О, круто. И чем теперь занимаешься, Паш? – вовремя встряла Наташа, не дав мне сказать еще какую-нибудь колкость.

Столбов вальяжно уперся локтями в стол, шумно набрал в легкие воздух:

– Фактически, Нилова заменяю, – и выразительно посмотрел на меня.

Нилов – это начальник группы переводчиков в МИДе. Департамент лингвистического обеспечения МИДа – вернее, так.

Классный мужик. Преподавал у меня на курсах.

– А сам Нилов где?

Пашка вытаращил глаза:

– Дорогая, да ты вообще из обоймы выпала! Нилов уже месяц как при ООН!

Впервые за этот вечер я посмотрела на него в упор.

– То есть ты всерьез намереваешься занять кресло ДимДимыча? – это было институтское прозвище профессора Нилова. Столбов покраснел от удовольствия. Отчего бледная до синевы кожа покрылась пятнами.

Господи! А ведь я же по нему с ума сходила! Каких-то шесть лет назад! Неужели такой дурой была?

Пашка уже вещал о своей важной роли в Департаменте. Что без его визы ни один вопрос не решается. Со всем вниманием его слушала только тетя Света. Мама с Наташей тревожно на меня поглядывали. Женя то и дело тревожно вздыхала и поглядывала на меня. Папа мрачно молчал, на его тарелке остывал небольшой кусок шашлыка, который он так и не съел.



## 4

Я едва дождалась окончания ужина, схватила стопку тарелок и умчалась их мыть на кухню.

Вода успокаивала. Хотя мне казалось, что при соприкосновении с ней от рук пойдет пар – так все кипело и клекотало внутри.

Я умыла горячее лицо. Кажется, щеки даже припухли. Из головы не выходила самодовольная физиономия Столбова, длинные тощие руки, из-за воспоминаний, как он касался меня, начало мутить.

И, черт возьми, что он здесь делает? Какого беса приперся, да еще и с тетушкой в виде тяжелой артиллерии? Я только сейчас с ужасом поняла, что ни он, ни тетя Света особо никуда не торопятся, и есть риск, что они останутся на ночь!

– Это уж дудки! – вырвалось у меня. Хотя от меня ничего не зависит, без меня все решили.

– Лид, ты здесь? – через коридор прошуршали мамины шаги. – Ты чего в темноте?

Точно, я даже свет забыла включить. Мамина рука повисла в воздухе в сантиметре от выключателя.

– Не надо, мам, – тихо попросила, еще не хватало, чтобы она увидела мое лицо сейчас.

Она подошла ко мне, обняла за плечи, прижалась лбом к моей прямой как палка спине.

– Лидок, так нельзя.

– Что именно нельзя?

Мама вздохнула:

– Столько лет прошло. Люди ведь меняются.

– С чего бы это Столбову меняться? Какие такие катаклизмы в его судьбе произошли, чтобы он стал другим?

– Почему именно катаклизмы? Ты опять все драматизируешь, дочь. Люди просто умнеют. Это им свойственно, понимаешь? А ты Паше даже шанса не даешь.

Я постаралась ровнее дышать. Ему, значит, надо еще и шанс дать.

– То есть ты на его стороне?

Мама потерлась лбом о мою спину:

– Глупая. Я всегда за тебя. Просто, иногда надо посмотреть на ситуацию со стороны, чтобы увидеть главное. Я могу. А ты, видимо, нет. И это мне еще раз подсказывает, что я права: у тебя что-то осталось к нему, к Паше. И это должно либо снова вас сблизить, либо перегореть в пепел. Понимаешь?

Она отстранилась от меня, шумно чмокнув в шею.

– За плечами не должно оставаться незавершенных дел. А это, видимо, не завершено, – отозвалась она уже на выходе из кухни. И голос ее растворился в сгущающихся сумерках.

– Мам, а если всё еще больно?

Она помолчала. Тихо выдохнула.

– Тем более.

Мгновение, и скрипнула входная дверь, впуслав внутрь тихий ручеек беседы, доносившейся из сада и тонкий запах костра.

Вдоль дома мелькнула сутулая тень, и через мгновение раздался тихий стук по стеклу:

– Лид, ты здесь?

Пашка. Быстро вытерла лицо полотенцем, уже на ходу приглаживая волосы, и выскользнула во двор.

– Чего барабанишь? – бросила я в темноту. Пашка выплыл из-за угла дома на мой голос.

– Тебя ишу, естессно, – я вздрогнула. «Естессно» – любимое Пашкино выражение. Когда-то меня забавляло. А сейчас?

– Зачем?

Пашка приобнял меня за плечи, увлекая дальше от беседки с ее неторопливым разговором.

– Пойдем, пройдемся, что ль.

«Что ль» – еще одна старая присказка, от которой меня воротило. Люди меняются, значит? Видимо, это не тот случай.

Но я пошла.

Мы пересекли укрытый туманом двор и вышли за ворота. Ноги утопали в мягком, сыром песке, еще не просохшем после дневных дождей. Звуки путались в ветвях, терялись в тумане, из-за чего ощущение сюрреалистичности происходящего усиливалось. Я и Пашка Столбов, вечер, мутные фонари над головой. Это точно опять происходит со мной?

Миновали нашу улицу. По скользкой, покрытой вечерней росой траве вышли к ручью. Я поежилась: то ли от нервов, то ли от прохладной сырости, тянувшейся от воды.

Пашка снял джемпер, протянул мне, протянул руки, чтобы заботливо укутать. Привлек к себе.

Его руки. Я уже забыла, какие у него руки.

Он ведь очень высокий, Пашка. Высокий и худой как жердь. И руки у него длинные и жесткие.

Когда-то я их называла волевыми. Сейчас мне было тесно в этих объятиях.

Я выставила вперед локти и высвободилась. Он смутился, чуть отстранился, но тут же взял себя в руки и плотнее запахнул на мне свой джемпер.

– Замерзнешь, – голос с хрипотцой, когда-то сводивший меня с ума.

– Не дождешься.

Я отошла ближе к ручью. Ежедневные дожди почти превратили его в полноценную речку. Еще чуть-чуть – и можно купаться. Пашка встал рядом.

– Ты зачем приехал?

– Может, соскучился?

Я вздернула бровь:

– Это ты у меня спрашиваешь?

Он пожал плечами:

– Просто не знаю, какой ответ тебя устроит.

Я подняла с земли пару камней, бросила в воду:

– Меня устроит правда. Так зачем?

Пашка молчал. Тоже наклонился, взял несколько камней, запустил в шумный поток. Кашлянул:

– Ты вообще как живешь? – в желтом свете уличного фонаря он был похож на птицу.

Я скрестила руки на груди:

– То есть ты появился через шесть лет для того, чтобы поинтересоваться как я живу? Так? Нормально живу. Об этом мог бы спросить и у своей тетки. Не пришлось бы вечер убивать, тащиться в такую даль.

Его руки скользнули по моей талии, обвивая ее. Рывок – и он уже прижимает к себе мою голову, нежно гладит шею. Горячее дыхание у виска:

– Брось, Лид. Я скучал без тебя.

В голове шумело. Сильные, волевые руки. Знакомый, въевшийся в подкорку аромат. Ноги подкосились. Он подхватил, еще крепче прижимая к себе.

– А что же твой Галчонок?

Его грудь напряглась. Руки словно окаменели. Не объятья – тиски, я поспешила высвободиться, задышавшись.

– Так что, как же Галчонок позволила тебе скучать-то по мне целых шесть лет?

Пашка отстранился. Посмотрел на меня сверху вниз внимательно. Даже с удивлением.

– Ты раньше такой не была.

– Раньше? – я прищурилась. – Раньше я душой была влюбленной.

– А сейчас, значит, не дура?

– А сейчас, значит, не влюбленная.

Я направилась к дому.

– погоди.

Пашка присел на сырое бревно.

– По-дурачки как-то вышло. Я ведь очень старался, чтобы всё хорошо сложилось. Мы встречались. Любили друг друга, – он коротко глянул в мою сторону, – знаю, ты меня любила, и, что бы ты ни думала сейчас, я тоже тебя любил. Планы были... Мечты...

– А потом тебе стало ясно, что серьезную карьеру, о которой ты мечтал, без связей и блата не построишь, – продолжила я. – И появилась Галочка.

Пашка нахмурился. О, эта тема ему неприятна! Легкое чувство победы... нет: удовлетворения... захлестнуло меня:

– И девочка Лида тебе оказалась уже не нужна. Как и совместные с ней планы и мечты.

Пашка поднял голову, посмотрел на меня с вызовом:

– Мы же так оба решили! Что надо набраться опыта. Построить карьеру. Добиться чего-то в жизни.

Я кивнула:

– Оба. Ты говорил, а я кивала.

– Ты могла не кивать.

– И что бы это изменило? Ты бы остался со мной, отказался от своих карьерных планов и выгодной женитьбы? – я посмотрела на него. – Так ты не ответил, что твоя Галочка?

– Она во Франции, замужем за нашим пресс-атташе.

Вторая волна удовлетворения меня уже прямо согрела:

– Бог мой, неужели, ты рожей не вышел?

Пашка встал.

– Лид, прекрати. Я же понимаю: ты злишься, что у нас с тобой ничего не вышло. Но, знаешь, я всё понял.

– Господи, что ты там понял, – я прикрыла глаза.

– Понял, что зря тогда обидел тебя, зря это все затеял. Вертелся, крутился, все думал – вот еще чуть-чуть и...

Он махнул рукой, отвернулся. Долгое время просто стоял и смотрел на воду.

– Давай попробуем еще раз?

Он взял меня за руку, привычным жестом перебирая мои пальцы. Сейчас он походил на эльфа, которого играл Орландо Блум. Сердце томительно сжалось. Голос предательски дрогнул:

– Слушай, Паш. Ты же сейчас за столом говорил, что у тебя карьера в гору пошла. Тебе же нужна более перспективная невеста. Зачем тебе я?

Пашка смутился. Выпустил мою руку. Отвернулся к реке. Сорвал травинку, долго молчал, отбивая ею такт по ноге.

– Должность Нилова мне не дадут, пока я холост.

Меня словно ледяной водой окатило – все стало предельно ясно.

– И что? При чем здесь я?! – я хотела, чтобы он признался.

Наверно, это какая-то особенная сладкая мука, доступная только женщинам – наткаться на одну и ту же ложь и требовать все большие ее порции.

Столбов резко повернулся ко мне:

– Лид, прекрати играть в дурочку, – он приблизил ко мне лицо, с трудом подбирая слова, из-за чего они выходили медленно, словно под давлением. – У нас же любовь была. Не могло же всё... перегореть.

Я посмотрела ему в глаза. Впервые за этот вечер. Серые омуты цвета ртути.

– Почему не могло? – я тоже приблизила к нему свое лицо. Теперь нас разделяло несколько сантиметров. – Чему гореть-то особо было?

В его глазах мелькнуло сомнение. Ртуть всколыхнулась, пропуская отблески сине-черного.

– Паш, ты о чем вообще? – злость придавала мне силы. – Ты бросил меня, помнишь? Решил найти подходящую партию. И тебя всё устраивало. Никаких мук совести. Никакой тоски и страданий. И теперь, когда наклеивается новая должность, ты вспомнил обо мне. Зачем? С чего ты решил, что я клону на всю эту ересь?

Шах и мат. Я приперла его к стене – фигурально выражаясь, взяла за ворот рубашки, не позволяя отстраниться, уйти от ответа. Хотя я его уже знала, но мне нудно было услышать.

– Мне сказали, что у тебя по-прежнему никого нет.

Я застыла. Легонько оттолкнув от себя, выпустила его рубашку.

– И что?

Он пожал плечами:

– Я решил, что это может означать только одно – я все еще тебе не безразличен.

– Легкая добыча, значит? Типа, ты – последний герой, и я за тобой, без оглядки?

– Ты всё неправильно понимаешь, – он стал опять похож на птицу. Только теперь мокрую и даже слегка побитую.

– А как я это должна понимать?

Пашка шагнул ко мне, попробовал положить ладони на мою талию.

– Брось, Лид. Ты любила меня, я же знаю. Я хочу начать всё с начала. Ты умная женщина, хорошая хозяйка, не куришь-не пьешь.

– То есть я тебе подхожу... Паш, так ты жену себе выбираешь или модный гаджет? А?

Пашка моргнул. Все верно мама сказала – все, что прошло, должно перегореть дотла.

У меня перегорело. Только что. И я должна быть благодарна этому вечеру хотя бы за возможность закрыть для себя эту страницу в моей жизни – Пашу Столбова. Я шагнула назад.

– Уезжай.

## 5

Прорываясь тяжелой поступью сквозь сон, над ухом гудел «Танец маленьких лебедей». Семь тридцать утра. Суббота.

Чашка кофе, толстый кусок белого хлеба с увесистым кружком колбасы. И в офис.

Руслан Федорович Лебедев заставил себя выбраться из постели, стряхивая с плеч остатки сна. Прозрачным шлейфом улетучился образ рыжеволосой незнакомки со старомодным именем Лида и бомбической сумкой непередаваемого зеленого цвета. Кажется, во сне она ему что-то рассказывала. Ах да, точно! Делилась рецептами приготовления круассанов. И, кажется, говорила по-французски. Он, конечно, не особо силен в языках, но очаровательную картавость сложно с чем-то спутать.

«Красивая девочка Лида, что в доме напротив живет»<sup>1</sup>, – пульсировало в висках.

Руслан, пошатываясь спросонья, зашел в ванную. Привычным жестом дернул вверх короткий рычажок душа, размашисто похлопал себя по небритым щекам:

– Подъем, – коротко скомандовал себе, окончательно просыпаясь.

Холодный душ, торопливые сборы, и времени на чашку кофе опять в обрез.

Быстро проглотив обжигающе-горький напиток, он схватил ключи от машины в одну руку, увесистый портфель – в другую, и выскочил на лестничную площадку.

В кармане завибрировал сотовый. Уже забегая в лифт, Руслан взглянул на экран – Борис.

– Аллю, Боря, буду через двадцать минут, – коротко ответил, – без меня не начинай.

Хотя и так ясно – будет ждать.

Уже через восемнадцать минут, спасибо еще спящим в этот выходной день москвичам, он вышел из темно-синего «Крайслера» и, оставив его на полупустой стоянке, вошел внутрь Делового центра.

Огромные стеклянные двери распахнулись перед ним почтительно и услужливо: серо-голубые панели, тонкие вставки зеркал и аскетичные люстры. Темные диваны в клиентской зоне пусты, что еще раз доказывало – сегодня никто не будет отвлекать.

Зеркальный лифт мягко увлек его вверх, на родной пятый этаж, в офис, в котором он проводил гораздо больше часов, чем дома. Который, по сути, и являлся его домом. В крохотном «пожарном» чемоданчике за перегородкой переговорной зоны припасен бритвенный набор, свежая рубашка, носовой платок и чистая пара носок.

«Адвокатское бюро «Стерх», офис 512. Прозрачные стены отделяли холл от зоны ресепшн, владений офис-менеджера и его помощницы, Арнии Николаевны.

Если бы у адвокатских контор было официальное лицо, то Арния Николаевна с легкостью прошла бы кастинг: высокая, стройная, несмотря на свои пятьдесят с большим «хвостиком» лет, всегда в безупречно белой, словно перо стерха, блузке и узкой черной юбке ниже колен. Модная стрижка, аккуратный маникюр, изысканные аметисты в серебре – в ушах. И увлеченность молодым, немного сумасшедшим коллективом.

– А-арния Николаевна! – увидев ее величественное лицо, воскликнул Руслан виновато. – Выходной же! Отчего Вы не дома?

Пожилая секретарь удивленно посмотрела на него через очки-половинки:

– Что? Сидеть дома и варить борщ внукам? Грешно не воспользоваться случаем и не сбежать, когда от тебя этого меньше всего ждут...

Руслан догадался:

– Что, дочка опять собралась в отпуск без детей?

Арния Николаевна сняла очки, доверительно наклонилась к Руслану:

---

<sup>1</sup> Стихотворение Я. Смелякова «Хорошая девочка Лида»

– Более того, она решила, что мне уже пора на пенсию! Представляете? – и она выразительно подняла вверх указательный палец, что свидетельствовало о высшей степени ее возмущения.

Арния Николаевна была из тех женщин, которые категорически отказывались стареть.

Она вернула на переносицу тонкую оправу и протянула шефу увесистую стопку бумаг с торчащими в разные стороны, словно зубы дракона, зажимами для бумаги:

– Руслан Федорович, все отканонила, как вы просили, в двух экземплярах. Письмо в прокуратуру отправила, – торжественно отчиталась она.

Последнее особенно порадовало Руслана – письмо было срочное, но подготовили его поздно, местное почтовое отделение уже не работало, а через Главпочтамт отправлять – целая история:

– Успели?! – воскликнул он, перехватывая тяжелую стопку документов. – Вы, Арния Николаевна, верно, волшебница.

Пожилая дама просияла, уклончиво кивнула на длинную квитанцию об отправлении:

– Я же говорила, у меня связи на Главпочтамте.

Руслану оставалось только заговорщики улыбнуться.

– Я вам сейчас кофе сварю, – Арния Николаевна величественно поднялась и направилась в небольшую комнату без окон, гордо именуемую обитателями адвокатской конторы кухней, а Руслан пошел к своему кабинету.

Его уже ждал Борис – худощавый парень с рыжей шевелюрой и конопатым носом. На его горе и фамилия у него была соответствующая – Рыжиков.

– Руслан Федорович, здравствуйте, – помощник почтительно привстал, протянул узкую ладонь с тонкими красноватыми пальцами. Его светло-голубые глаза сияли и сам он излучал нетерпение. По всему видно: что-то нарыл.

Чтобы ответить на приветствие, Руслану пришлось положить на стол папку с бумагами и бросить на стул портфель:

– Приветствую, Борис Иванович. Что накопили?

Боря тут же покраснел, протягивая через стол Руслану истрепанные распечатки, сплошь исчерченные желтым и оранжевым текстовыделителем.

– Ого, – Руслан поднял глаза на помощника. – Ты сегодня спал вообще?

Борис уклончиво мотнул головой. Ясно, не спал парень. Лебедев вздохнул, присаживаясь на угол стола.

– Давай, рассказывай.

Борис выскочил из-за стола:

– Во-первых, это не первое аналогичное дело в Москве...

– Но это и так ясно, схема стара как мир, – отметил Руслан, пробегая глазами фрагменты отмеченного текста.

– Более того, – Борис торопился, из-за чего «проглатывал» буквы и даже слоги. Руслан поднял от бумаг спокойный взгляд: он уже знал, что увидел Боря в документах. И то, что тот не увидел – тоже. Но не дать парню выговориться и насладиться триумфом было бы жестоко: – Несколько дел дошли до суда, и везде фигурирует наше ЗАО «Родимич». Все дела рассматривались первым судебским составом, судья...

– Ибрагимова, – кивнул Руслан, раскладывая врученные Борисом бумаги на брифинг-приставке.

– Точно! – Борис победоносно умолк.

Руслан уперся кулаками в столешницу.

...Чуть больше месяца назад в офис адвокатской конторы пришла пожилая дама: седые волосы убраны в аккуратный пучок, безупречный брючный костюм, по всему видно – не

на соседку-кошатницу жаловаться пришла. Она долго ожидала в холле, наотрез отказываясь общаться с другими адвокатами.

– Мне посоветовали обратиться именно к Руслану Федоровичу, – безапелляционно сообщила она.

Руслан освободился около шести вечера.

– Иди, Борь, день сегодня сумасшедший, – глянув через стеклянную перегородку на даму в брючном костюме, он попытался отправить помощника домой.

Борис остался.

Настойчивая клиентка, войдя в кабинет, подозрительно на него посмотрела.

– Это мой помощник, очень талантливый юрист, Борис Иванович Рыжиков.

Дама изогнула бровь, придвинулась ближе к столу и поправила изумрудно зеленую сумочку.

– Руслан Федорович, – начала она. Голос у нее оказался неожиданно низким. – Мне Вас порекомендовала Дарья Йоминг, моя сокурсница и ближайшая подруга вот уже пятьдесят с небольшим лет... Даже страшно подумать, – дама кокетливо улыбнулась.

Дарья Йоминг. И имя запоминающееся, и его обладательница. Руслан откашлялся, вспомнив сложный бракоразводный процесс этой самой мадам Йоминг: ее сорокалетний супруг очень желал заполучить московскую квартиру, обещанную ему Дарьей в качестве свадебного подарка. Сам господин Йоминг, конечно, в Москве не проживал, имел приличный бизнес по производству шампуней в Корее, но то ли дела шли не очень, то ли очень уже хотелось насолить бывшей супруге... В общем, дело дошло до суда. Господин Йоминг оказался продуманным товарищем, приобщил к материалам дела аудиозапись их телефонного разговора, в котором Дарья и бросила злополучную фразу: «Я задумала сделать тебе шикарный подарок к свадьбе, я думаю, тебе понравится. Я сейчас как раз в нем нахожусь». Она имела ввиду ретро-ужин в московском ресторане, он подумал про квартиру. Благо, наше законодательство такие моменты разделяет точно. А то бы пришлось Дарье Йоминг проживать со своей дочкой в Бирюлево.

– Простите, как мне к вам обращаться? – уточнил Руслан, расположившись напротив клиентки.

– Ах, простите, право слово, так не удобно! Меня зовут Марья Антоновна Золотарева.

Руслан прищурился:

– Простите за любопытство, Марья Антоновна. Иван Золотарев, музыкант – вам родственник?

Марья Антоновна гордо улыбнулась:

– Сын, да. Вы знакомы?

– Нет, что вы, – Руслан поднял руки к потолку и широко улыбнулся. – Но мне очень нравится то, что он делает на сцене. Может, вы не откажетесь от чашечки кофе или китайского зеленого чая?

Марья Антоновна кокетливо отшатнулась:

– О, нет! Я, пока вас ожидала, поглотила норму выработки небольшой плантации, – и она бережно опустила сумочку на колени.

– Тогда, может, поведаете мне, что вас ко мне привело? – Руслан сел за свой рабочий стол, подпер подбородок.

Пожилая дама сразу стала серьезной.

– Очень удачно, что вы спросили о моем сыне, – она повозилась, достала из сумочки носовой платок, промокнула им уголки глаз. – Вы наверняка знаете, что Иван последние годы живет в Штатах, много выступает, у него записи, концерты, поклонники, – Руслан понимающе кивнул. – Так случилось, что порядка шести лет назад на пороге моей квартиры оказалась женщина. Она утверждала, что у нее дочь от моего Ванечки. Я, конечно, хотела ее прогнать,

но девочка, действительно, была очень похожа на сына, – Мария Анатольевна нервно комкала носовой платок, то закручивая уголок, то разглаживая его вновь. – Сперва Ваня ничего слышать не хотел. С той женщиной, Ириной, он расстался как-то очень нехорошо, я до сих пор не знаю подробностей. Но Ольга, та девочка, действительно оказалась его дочкой, анализы подтвердили...

Пожилая дама тяжело вздохнула. Снова опасливо оглянулась на Бориса, но через мгновение продолжила:

– У Оли и Ванечки довольно сложные отношения до сих пор, а Ирина... Она появилась на моем пороге, когда было уже поздно что-то менять, знаете. Она была очень тяжело больна. Я думаю, именно это и заставило ее найти меня.

Руслан снова кивнул. История – каких сотни. Он ждал продолжения и, собственно, сути проблемы. Борис неслышно вышел из кабинета, через минуту уже вернулся с графином. Стараясь не потревожить задумавшуюся даму, он налил ей воды. Мария Анатольевна благодарно кивнула. Кажется, он перестал вызывать у нее недоверие.

– Оленька уже довольно взрослая. И я решила, что ей пора серьезно задуматься о своем будущем. От Ирины, ее матери, у нее осталась квартира в Марьино. Я предложила Оленьке ее продать и приобрести побольше и поближе ко мне. Понятное дело, это выходило дороже, но разницу я взяла на себя, и Ваня помог.

Руслан напрягся: он почувствовал, что именно сейчас прозвучит основная, самая важная информация. Не спуская глаз с пожилой дамы, вертевшей в руках носовой платок, он достал блокнот и приготовился записывать.

– Всё прошло хорошо. Квартиру Ирины продали довольно удачно, подобрали хороший вариант в моем районе, – Мария Анатольевна подняла глаза. – Руслан Федорович, понимаете, я ходила с ней на все сделки. Ничего не вызвало сомнений, ни у меня, ни у риэлтора. Все документы в порядке. Продавец – такой приятный, улыбочивый мужчина...

– Так что случилось? Расскажите, пожалуйста, подробнее. И, если вы не возражаете, с этого момента будет включен диктофон, – он бросил короткий взгляд Борису.

– Оказалось, что продавец не имел права распоряжаться квартирой. И сейчас, сделку должны признать недействительной, – она рассеянно посмотрела на Руслана. – Но своих денег мы назад не получим, так как продавец их потратил и больше у него ничего нет. Руслан Федорович, я просто не знаю, что делать! Вышло так, что я внучку подбила на какую-то авантюру, истратила ладно что свои, ее деньги!..

Схемы вырисовывались некрасивая. С довольно мутными перспективами в суде, если только...

Вот этими «если» и занимался Борис.

Позади месяц работы с документами. Месяц скитаний по инстанциям. Месяц в поисках правды. И почти ускользнувшая возможность что-то изменить.

Почти.

Сейчас, ранним субботним утром, вглядываясь в разложенные на столе документы, адвокат Лебедев начинал понимать схему, по которой действовали мошенники. И, если его догадка верна, переиграть его окажется не так-то просто.

«Но еще посмотрим, кто кого», – мелькнуло в голове.

\* \* \*

В кабинет заглянула Арния Николаевна:

– Руслан Федорович, уже четыре, – она поправила прическу. – Я пойду, пожалуй. Вам еще кофе сварить?

Руслан оторвался от бумаг, устало растер покрасневшие от напряжения глаза:



- Спасибо, моя дорогая Арния Николаевна! Не надо. Больше – не могу.
- Домой пойдете? – с недоверчиво окинула папки на столах адвоката и его помощника.
- Обязательно! Вот прямо сейчас и пойдём, да, Боря?

Борис, явно не слышавший начало разговора, вынырнул из-за монитора:

– А? Что?

Руслан почесал подбородок:

– Я говорю, домой иди уже!

– А вы?

– И я.

Арния Николаевна улыбнулась:

– Ну, тогда я за вас спокойна, – и прикрыла за собой дверь. По коридору прошелестели ее шаги.

Борис задумчиво смотрел на покрытый трехслойным ворохом картонных папок стол: толстые подшивки, пожелтевшие картонки с надписью «Дело» из архива, из которых торчали в разные стороны карандаши и ручки, служившие закладками... Он осторожно, чтобы не потревожить конструкцию, встал из-за стола.

Лебедев тоже встал, размял поясницу, шею.

– Борь, а скажи мне, что у нас сейчас в кино идет? – он подошел к окну, любуясь панорамой Москвы, укутанной тонкой пеленой смога.

Борис закрыл несколько верхних папок, предварительно заложив «уголок» черновика в качестве закладки, и перенес в шкаф:

– Да муть всякая. Или мультики.

– Жаль.

Помощник оторопел, папка едва не встала мимо полки.

– А че такое?

– Ни «че», Борь! Ты ж адвокат будущий! – Руслан поднял вверх указательный палец. И Борис покраснел. – А ты «чекаешь»... Девушку собирался пригласить. А на муть вести не хочется, – он помолчал и добавил задумчиво. – Хочется впечатление произвести.

Борис замер у шкафа, вытянул тонкую шею. Его брови поползли на лоб, глаза просияли:

– Точно! Есть, Руслан Федорович! Есть! В «Парадизе» сегодня «Меняющих реальность» показывают с Мэттом Дэймоном!

Руслан отвернулся от окна, уставился на помощника:

– «Парадиз»? Это кинотеатр?

– Ну, «Парадиз», – Борис развел руки, удивленный тем, что шеф не знает такого заведения, – это частный кинотеатр, очень классный, элитный. Уютные диванчики, вкусное меню. Там, правда, клубная система, но я что-нибудь придумаю, – добавил он, уже хватаясь за сотовый. – Одну минутку...

Руслан вернулся в кресло, наблюдая, как помощник набирает номер и просит забронировать два билета на свою клубную карту.

– Борь, откуда такие связи? Колись по-быстрому.

Рыжиков нажал «отбой», покраснел.

– У меня там мама работает...

## 6

Слава Богу, никто не заговаривал со мной про Пашку.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.